

ПРОГУЛКА

Вниз, вниз с небес по переулку,
Пропахшим солнечным туманом,
Где нашу летнюю прогулку,
Смеясь, не назовут романом.
Туда, где в чаще из крушины,
Из розового полусвета
Живет предчувствием вершины
Анапест Бунина и Фета.
Где вылупится из печали,
Как из яйца, цыпленок счастья.
Да что же птицы замолчали? —
Ты молча сжал мое запястье.
И солнце на кленовой ветке
Повисло праздной паутиной
Над шмелем в палевой розетке,
Над всей июльской куртиной.
Как долго этот миг продлится —
И свет, и тень, и зной палящий?
Позволь мне плакать и молиться,
Привыкнуть к радости молчащей...
И все — бежать бы без оглядки,
Забыть и день, и миг случайный,
Слова и слезы в беспорядке
Разрыв-траве отдать печальной!
...Не смог и ливень, вероятно,
Пройдя стремглав по переулку,
Забыть ту летнюю прогулку,
Ушел на цыпочках обратно.

НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

У надгробий с ангелами нет фотографий,
А порой имен — стирает буковки время.
Что два века? — Мелочь.
И читатели эпитафий
Спешат — ведь у каждого свое бремя.
Кто-то лбом прижался к стене часовни,
Слезно молится Ксении, словно Богу.
Как та женщина, в паричке, глаза совы,
Или та, дитя убившая в чреве...
Их много —
Колыбелек мраморных в сосновой завесе,
Со свечами, негасимыми даже ветром,
Что несет коровок божьих с ближнего леса,
И с залива чаек хмуроватым рассветом.
И мне бы здесь присмотреть местечко заранее...
А внук тянет к храму, где крещен был в Успенье.
Запомнит ли он, как плыло солнце в тумане,
Как звучало в небе это молитвопенье —
Сонных сосен мерное шевеленье?

ПАМЯТЬ

Слышишь топот копыт
И гортанные крики?
Видишь зарево алое издалека?
За окном проплывают опять в облака
Тени предков убитых,
Неясные, светлые блики.

А за ними летят —
Сердце вздрогнет неволью —
Островежие всадники ночи и зла.
В страхе прячет звезду в свой подол полумгла,
Не успеет их встретить
Набат колокольный.

Вот один настигает уже,
Вот нагнулся...
Вскрикнешь — Господи, чудо яви!
Это генная память клокочет в крови,
Это красной луны
Вдруг зрачок содрогнулся...

И проснешься от ужаса
В смятой постели,
Створки окон рванешь — это бред и обман!
И увидишь — внизу распустился тюльпан,
Там, где капли кровавые ночью атели...

ИЮЛЬ

Гром за рекой грохочет,
В небе же благодать.
Это июль не хочет
Землю в яйцо скатать.
Это проходит Бунин
Между цветов и трав.
Это летит, бездумен,
Шмель на его рукав.
Время стоит у Леты,
Зноем звенит лазурь,
Нет ни одной приметы
Будущих гроз и бурь.
Вышит вновь васильками
Лета летящий след.
Это за облаками —
То ли звук, то ли свет...
Это июль-поэт
Заговорил стихами.

СТЕПНЫЕ СОСНЫ

И зачем привез мне однажды крестный
Вместо бус росток в золотой смоле?
Мол, в подарок дали степные сосны,
Хоть и нет таковых на всей земле.
И пришлось мне, выйдя на босу ногу,
В предвечерний сад с молодой травой,
Посадить в песок сию недотрогу,
Да поить из чарки водой живой.
Не гналась за славой, стихи и дочки
Подрастали в соснах среди чудес,
Где шептались ночью цветы и почки,
И река Времен обтекала лес.
Он привык к невзгодам — судьба такая.
Достается трудно ему вода.
Но от корня к корню перетекая,
Смысловословом делится он всегда.
Вот и я на склоне плывущей Леты
Вижу, как из тьмы подползает сушь,
Как силен в поспешности — есть приметы —
Древотовец сосен и мелких душ...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Говорят, в Петербурге не выпросишь снега.
Так и есть. Но пришло Рождество. Ну а с ним
Первый снег, как любовь, он нагрянул с разбега,
И обнял, как пришедший домой пилигрим.

Город кружевном белым везде оторочен,
Словно царский кокошник надел на сверкающий лоб.
Первый снег абсолютно невинен и точен,
Он ложится, где Бог повелел. Вот, сугроб
Спит, прижавшись к Неве, и светлее все лица.
Улыбнись же и ты, наконец, дорогой!
Первый снег, как мальчишка, плетет небылицы
И хрустит озорным леденцом под ногой.
Скоро выгонят, знаю, его в пустоту,
А пока он летит, ни на что не похожий.
Первый снег признается в любви всем прохожим,
И особенно мне, как признавшей его правоту.

ТЮЛЬГАНСКИЙ ЛЕС

В нем зима поселилась навек,
Но живая речушка журчит,
И невидимый дятел стучит
Средь осинника, вросшего в снег.
Чьи следы там? Мне чары развей!
Рядом чудные звери сидят,
То ли грезят о чем, то ли спят,
Лапы свесив с промерзших ветвей.
Отвернешься — идут по пятам,
Тронешь палкой — рассыплются в прах.
Вслед сорока, презревшая страх,
Застрекочет — такой шум и гам!
И опять тишина. В облака
Вьется хитрой восьмеркой лыжня,
То сводя там с любимым меня,
То опять разводя на века.